

Информационное общество и власть

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Статья рекомендована к публикации членом редакционного совета В.В. Ждановым 14.03.2023.

Татунц Светлана Ахундовна

*Доктор социологических наук, кандидат исторических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Факультет мировой политики,
профессор
Москва, Российская Федерация
S.Tatunts@fmp.msu.ru*

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию информационно-психологических инструментов «новых войн». В методологии анализа лежит полипарадигмальный подход, позволяющий продуктивно интерпретировать предмет исследования в рамках парадигмы реализма, постмодернизма и неомарксистской мир-системной теории. В статье определены основные сегменты механизма информационно-психологического воздействия в реализации политики «мягкой силы». Раскрываются методы такого воздействия, применяемые в условиях глобальной гибридной войны. Определены особенности цифровых технологий, национальные модели «мягкой силы» в киберпространстве, применяемые основными акторами мировой политики.

Ключевые слова

информационное общество; информационные технологии; «киберцензура»; «культура отмены»; «мягкая сила»; «постправда»; социальные сети; СМИ; цифровая публичная дипломатия

Введение

Концепция «мягкой силы» предполагает, что государства способны добиваться желаемых результатов во взаимодействии (и противостоянии) с другими странами путем привлечения или убеждения. Как полагает ее основоположник Дж. Най, в «сетевом обществе» XXI в. в этой борьбе «победа иногда зависит не от того, чья армия победит [на поле боя], а от того, чей рассказ победит.» [17]

В то же время цифровая революция позволяет информации распространяться более широко и с невероятной скоростью, и благодаря информационным технологиям за последнее полвека государства, корпорации, политические и социальные структуры стали формировать такое общество, которое отходит от «индустриализма» и экономического роста к «информационизму», как считает испанский социолог М. Кастельс. [4, 103]

Ю. Хабермас в своих размышлениях о «публичной сфере» в цифровом обществе предполагает, что большая транспарентность Интернета и новых цифровых инструментов должна была бы укрепить демократию, обеспечивая большой обмен информацией и мнениями между людьми. Но анализ показал, что они скорее создали «анархическую и трайбалистскую полуобщественную сферу, в меньшей степени способствующую рациональному демократическому прогрессу.» [10, 255]

Целью настоящей статьи является анализ механизмов воздействия «мягкой силы» в эпоху информационного общества и видоизменения основных ее инструментов в условиях цифровой революции. Это касается не только таких установившихся элементов «мягкой силы», как публичная дипломатия, воздействие через сферу образования и культуру и пропаганду образа жизни, но и

© Татунц С.А., 2023.

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial - ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>
https://doi.org/10.52605/16059921_2023_04_22

новых тенденций, связанных с цифровизацией общества, вызывающей тектонический сдвиг в работе СМИ, поднимающей роль и значение социальных сетей. Для этого подробно анализируются различные информационно-технологические приемы донесения, искажения, непредоставления и интерпретации информации в эпоху «постправды». При анализе используются основы мир-системной теории, сравнительного метода и исторического анализа с элементами кейс-стади. Особое внимание уделяется противостоянию Россия – Запад в 2022 г., после начала специальной военной операции на Украине.

1 «Мягкая сила» как инструмент влияния на мирополитические процессы

«Мягкая сила», в отличие от «жесткой силы», опирается на три ресурса: «культуру (где она привлекательна для других), политические ценности (когда она живет в соответствии с ними дома и за рубежом) и внешнюю политику (когда другие видят в ней законность и моральный авторитет)». [18, 84]

В мирное время многие элементы этой силы, транслируемые в мировом информационном поле, помогают **создавать положительный образ страны**, что вызывает уважение и восхищение других, и, в свою очередь, делает страны, обладающие «мягкой силой», более привлекательными в глазах других государств. Эта симпатия порой бывает настолько сильной, что страны могут даже пытаться подражать политике или действиям «мягкой силы» других стран, что особенно часто происходило и происходит в странах Восточной Европы (Польша, Чехия, Прибалтика). [16, 10]

Традиционно различают **активные и пассивные факторы «мягкой силы»**. К активным, наиболее значимым факторам воздействия на другие нации, относят двусторонние отношения, политику развития с соответствующей инвестиционной и финансовой составляющей, работу вузов, институтов культуры, стипендиальные программы и т.д. Пассивным фактором являются достижения культуры, науки, технологии, наличие развитого гражданского общества. Даже просто природное и ресурсное богатство страны, стиль и образ жизни входят в пассивное ядро «мягкой силы», которое Р. Уайндер назвал «симпатичностью» и привлекательностью страны для других. [24, 6]

В Европе, где – если не брать во внимание Балканы – открыто не воевали с 1945 г. и почти 80 лет царил мир, значение «мягкой силы» (в отличие от «жесткой», военной силы) за это время постоянно возрастало. Те страны, которые по И. Валлерстайну относятся к «центру», имели способность влиять на государства «полупериферии» и «периферии» через свою культурную и ценностную привлекательность, в т.ч. благодаря успешному «экспорту» взглядов и мнений посредством цифровых технологий.

В этой трансформирующейся международной системе «мягкая сила» становится не только решающим элементом влияния на различных акторов на мировой арене, но и важнейшим фактором в противостоянии Север – Юг [22, 82], а теперь и в **борьбе ценностей и принципов между коллективным Западом и Россией**.

В условиях длительного отсутствия «горячей войны» страны Запада вели изошренную «холодную войну» против СССР, а потом чрезвычайно эффективно срежиссировали против Российской Федерации множество «цветных революций» по периметру ее границ, которые позволяли мирным путем, т.е. с помощью «мягкой силы» подчинять себе бывшие советские республики (Грузию, Украину, частично Армению, Молдавию). Теперь уже в этих «новых войнах» отработаны все сценарии по организации протестов, массовых бесчинств вплоть до свержения власти и установки марионеточных правительств с помощью соцсетей, негосударственных организаций и молодежи, проходившей большую часть своего обучения в западных вузах или по квази-западным учебным программам. Применение военной силы для этого не требовалось, – достаточно было **различных технологий ведения информационной войны**, и вероятность успеха в таких гибридных войнах в информационном поле и «на земле» очень высока.

В развязавшейся **глобальной гибридной войне** приемы «мягкой силы» не потеряли свою значимость, а еще более актуализировались, учитывая всевозрастающие объемы политически релевантной информации. При оценке возможностей стран по такому воздействию на других, цифровая инфраструктура страны и ее возможности в цифровой дипломатии считаются важным рычагом.

В сентябре 2022 г. РФ опубликовала свою **национальную концепцию «мягкой силы»**, которая в отличие от западной концепции не является нацеленной на изменение политического ландшафта или даже на смену власти в целевых странах. Первоочередной целью заявлено “формирование и укрепление объективного восприятия нашей страны в мире, содействие пониманию исторического пути, роли и места России в мировой истории и культуре, расширение контактов между людьми” (п. 14). [8] При этом особый акцент делается на защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, так называемого Русского мира за рубежом и на тесной евразийской интеграции в рамках ШОС и СНГ.

Однако, на нынешнем этапе в Европе вынужденно бездействует такой важный источник российской «мягкой силы», как **публичная дипломатия**, которая работала достаточно эффективно при организации таких знаковых событий как XIX Всемирный фестиваль молодежи и студентов в 2017 г. или Чемпионат мира по футболу в 2018 г., которые с точки зрения «мягкой силы» обеспечили России повышение имиджа, т.к. они были хорошо освещены как российскими, так и мировыми СМИ и «нравились» в соцсетях.

Теперь же в рамках **беспрецедентного санкционного давления** со стороны США и ЕС лишился права любой трансляции в Европе созданный в 2005 г. рейтинговый международный российский телеканал RT, вместе с ним отключены из сетки вещания почти все русскоязычные спутниковые телеканалы, заблокированы новостные интернет-порталы, например агентство Sputnik. «Отменены» деятели культуры и науки, прекращен прием по научным и студенческим обменам, закрыто европейское небо для российских самолетов, прекращены не только поставки энергоносителей в Европу, но и выдача виз для россиян во многих консульствах. Таким образом, никакие элементы «мягкой силы» не могут (и не должны, с западной точки зрения) работать в условиях военного противостояния Россия – Запад.

2 Основные стратегии и средства «мягкой силы» в информационном обществе

При нейтрализации традиционных, чаще всего аналоговых, средств «мягкой силы» резко возрастает значение информационно-технологических каналов воздействия. Поэтому Национальная программа «Цифровая экономика РФ» 2022 г. предусматривает такие важнейшие проекты, как нормативное регулирование цифровой среды, информационную безопасность, создание информационной инфраструктуры, в т. ч. через развитие спутниковой связи, а также развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли. [5]

Технологические инновации создали новые каналы связи и беспрецедентный уровень взаимодействия множеством способов. Сегодня **количество информации**, передаваемое по всему миру в цифровом обществе, фактически бесконечно. В то время как мировые объемы хранения данных удваиваются каждые три года, мировые вычислительные мощности удваиваются каждые полтора года. Резко снизилась стоимость хранения информации, а облачные технологии сделали возможной нынешнюю эру «больших данных». Успешно заработал искусственный интеллект, широко применяемый в социальных сетях. Рост потоков передаваемой информации экспоненциальный: за 30 лет существования Интернета они достигли 90 зеттабайтов, в мире работает 1,9 трлн Интернет-сайтов. [12]

Это открывает невиданные возможности для управления людьми посредством их манипулирования, что всегда являлось целью политической борьбы. Успешно выстоять и противостоять вызовам информационно-психологического воздействия Запада можно при повышении уровня **цифровой и политической грамотности** населения и особенно молодежи.

Поэтому «Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг.» предусматривает «формирование информационного пространства знаний [...] путем развития науки, реализации образовательных и просветительских проектов, создания для граждан общедоступной системы взаимоувязанных знаний и представлений» (п. 25). [6]

Цифровые стратегии также разработаны почти во всех развитых странах, где акцент делается на самых разных аспектах. Правительство ФРГ, к примеру в своей «Цифровой стратегии 2022 г.» и в рамках объявленной «цифровой декады ЕС», ставит амбициозные цели и будет активизировать свои усилия в области цифровой политики: не менее 80% населения к 2030 г. должны будут обладать базовыми цифровыми навыками, а число ИТ-экспертов в ЕС должно достигнуть 20 млн. [14, 3]

А в Великобритании, занимающей третье место по Глобальному инновационному индексу (ГИ) среди стран Европы, благодаря развитой цифровой инфраструктуре широкополосный Интернет имеет 97% населения, хороший 4G-сигнал – 92%. [13, 10]

Одной из стратегий повышения эффективности публичной дипломатии как средства «мягкой силы», является развитие **цифровой публичной дипломатии**, к активизации которой 12 лет назад мощный толчок дали глава Госдепа США Х. Клинтон и глава МИД Нидерландов Ю. Розенталь. Они создали так называемую «Коалицию Свобода онлайн», предлагающую своим членам неформальное дипломатическое пространство для обмена информацией и озабоченностью по поводу текущих событий, угрожающих свободе Интернета во всех странах. Коалиция состоит из 34 стран-участниц; в т.ч. на постсоветском пространстве в нее входят в нее Молдавия, Грузия и три прибалтийские республики.

«Коалиция» призвана защитить основные права и свободы человека, провозглашенные во Всеобщей декларации прав человека, в онлайн-пространстве (в 2011 г. только треть человечества имела доступ к Интернету, - сегодня две трети) и декларирует цель "быть про-активной и обеспечивать включение вопросов свободы Интернета в международную политическую повестку". [23]

Такое **продвижение «цифровой дипломатии»** нацелено на то, чтобы активно использовать Интернет и все виды социальных сетей для **достижения внешнеполитических целей** этих стран и путем улучшения имиджа и репутации этих стран. В цифровом пространстве они могут расширить свой охват и напрямую общаться с членами гражданского общества других стран, журналистами, иными влиятельными лицами, напр. блогосферы, для формирования и поддержки политических оппозиционных движений там. В Госдепартаменте США всеми этими вопросами еще пять лет назад занимались более 150 штатных сотрудников 25 различных подразделениях «Управления электронной дипломатии», обрабатывающих в основном контент в социальных сетях. [11, 176]

В киберпространстве с гражданами других стран можно связаться практически в режиме реального времени. Кроме того, привлекает низкая стоимость этого инструмента, который еще и интерактивный, чем повышается **вовлеченность граждан**, и легче достигается цель дипломатии. Многочисленные платформы позволяют использовать динамический контент, видео, фотографии и ссылки, что очень помогает воздействовать на молодые возрастные группы.

Западные политики давно начали понимать важность объединения «мягкой силы» и публичной дипломатии в информационных стратегиях виртуального пространства. Таков был подход технологически «подкованной» администрации США при президенте Б. Обаме. **Интернет и социальные сети** становились **ключевым рычагом власти** и влияния наряду с традиционными «жесткими» рычагами государственной власти.

В определенной степени такие «полупериферийные» страны (по Валлерстайну), как Россия и Китай, в нынешних условиях жесткого противостояния коллективного Запада и России, могут успешно обойти традиционную гегемонию стран «центра» (НАТО, ЕС, G7) посредством совместных действий по определенным вопросам, например в рамках сотрудничества в ШОС и объединении стран БРИКС. Эти политические и экономические группировки представляют собой попытку спроецировать **растущую мощь и влияние России и Китая** на международной арене и позиционируют их в лучшем глобальном положении.

Примечательно, что с **китайскими цифровыми СМИ** пока обошлись мягче, они продолжают работать в глобальном спутниковом эфире. Это международные правительственные телеканалы CCTV и CGTN (вещают на 5 языках) и Информационное Агентство «Синьхуа», работающее на 11 языках и распространяющее китайскую точку зрения и пропагандирующее китайские ценности и успехи в информационном пространстве. [3]

При этом форматы взаимодействия с целевой аудиторией самые различные, и для молодежной аудитории стоит отметить китайскую соцсеть «ТикТок», глобально вытесняющую видеопортал «Youtube» и запрещенную в России соцсеть «Facebook». Это поднимает имидж Китая на международной арене, увеличивает мощь его политической «мягкой силы», и в определенной мере помогает при решении международных проблем. [7, 43]

С недавних пор появился новый прием в социальных сетях, который может сильно пошатнуть, а то и разрушить доверие к духовным, культурным, общественным деятелям, ставшим неуютными. Это так называемая **«культура отмены» («cancel culture»)**, когда публично

объявляются вне закона предполагаемые проступки, оскорбительные или дискриминационные заявления или действия тех или иных лиц – часто знаменитостей. Такому современному остракизму была подвергнута английская писательница Дж. Роулинг, выразившаяся «не так» про трансгендеров и схлопотавшая за это от сообщества Твиттера хештег, призвавший пользователей «похоронить» ее и не читать больше ее книги. Так маргинальные группы, часто многочисленные, в сетевом пространстве осуществляют некую **«отрицательную мягкую силу»**, пользуясь мощнейшим инструментом формирования, вернее расформирования, элит в рамках «демократического» процесса в Интернете, ставшего элементом современного информационного общества. Отключив от Твиттера президента США Д. Трампа в январе 2021 г. за подстрекательства к насилию, руководство микроблога фактически тоже совершило акт «культуры отмены», который через полтора года в свою очередь отменил И. Маск, когда он выкупил эту убыточную соцсеть и восстановил его в правах. Налицо проблематика **огромного политического и психологического влияния**, которым обладают социальные сети, особенно в периоды мобилизации масс перед выборами, посредством такой **киберцензуры**, определяющей присутствие или отсутствие в медиапространстве того или иного деятеля или «знаменитости». [1, 2]

Такие социальные сети как запрещенная в РФ платформа «Facebook» становятся неуправляемой площадкой политических дебатов и политической ареной, на которой партии, а то и целые правительства вещают не через свои сайты или на созванных ими пресс-конференциях, а наоборот только через соцсети, откуда профессиональные журналисты черпают информацию. При этом руководство этой платформы всегда подчеркивает, что ее участие в политике строго **ограничивается нейтральной деятельностью**, т.е. предоставлением только технической площадки дебатов. В самом деле, нельзя недооценить ту динамику, с которой соцсети меняют процессы «мягкой силы» в мире, и потеря контроля – это риск.

Современный человек психологически перегружен объемами информации, с которой он сталкивается, ему трудно понять, на чем сосредоточиться. Фактически не информация становится **дефицитным ресурсом**, а внимание аудитории к ней, и вопросы вызывает уровень правдивости информации. Репутация становится еще более важной, чем в прошлом, а социальные сети могут придать ложной информации **более достоверный вид**, если она исходит от «друзей». В то же время **алгоритмы отбора информации** направляют пользователю – постоянно анализируя его интересы и мнения – **однобоко похожую информацию** от неизвестных ему пользователей и источников, создавая психологический эффект «информационного пузыря», что быстро может привести к **радикализации взглядов**.

3 Психологические приемы формирования общественного мнения в цифровую эпоху

Среди значимых психологических технологий по формированию общественного мнения в цифровую эпоху можно выделить: **фальсификацию фактов**, чаще всего оформленную как прямая ложь или «fake news»; **искажение фактов**, т.е. использование полуправды, в т.ч. с применением мультимедийного редактирования и искусственного интеллекта; **подмену понятий**, часто использованная для оправдания несправедливых политических решений и **преднамеренное замалчивание фактов**, т.е. их невысказанность или сокрытие от общественного внимания.

В «Стратегии национальной безопасности РФ» (2015 г.) было указано, что с «усиливающимся противоборством в глобальном информационном пространстве...» возрастет опасность «манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории». [9]

Приемы дезинформации и фальсификации в общественном дискурсе живучи прежде всего потому, что современным СМИ и соцсетям уже привычны и **присутствие лжи, и недоверие к политикам, и тенденциозная журналистика**, и вездесущая и трудно контролируемая «любительская» коммуникация в соцсетях, и **доминирование «картинки»** над фактами. Существенную роль здесь играет обилие конкурирующих претензий, отсутствие «вышестоящих» инстанций по выявлению истины, особенно в связи с упадком традиционной журналистики, в рамках своей профессиональной этики фильтровавшей факты для установления истин. Сетевое пространство фрагментировано, и его алгоритмы создают однобокий контент для пользователя.

«Пост-фактические» высказывания часто встречаются в западной политике. Благодаря авторитету или положению авторов, ничем не подкрепленные высказывания политиков простые граждане ЕС **воспринимают как правду**. Так случилось, когда немецкий канцлер О. Шольц в декабре 2022 г. утверждал без всякого на то доказательства, «сколько российских солдат погибло (на

Украине). Их может быть до 100.000». Однако, как известно, Минобороны РФ тремя месяцами раньше обозначило эту цифру около 6.000, т.е в 17 раз меньше. [20]

Факты искажались и при объяснении, кто же выпустил снаряд, попавший 15 ноября 2022 г. в сельхозстроение польского приграничного местечка Пшеводув, когда президент США Дж. Байден с первой минуты заявил журналистам, что маловероятно, что ракета была запущена с территории России, имея на это разведданные о траектории ее полета. Однако, на следующий день был созван Совет НАТО и чуть ли не активирована статья 4 договора НАТО, которая предусматривает военную помощь любой из стран, чья безопасность находится под угрозой от внешнего агрессора (коим представлялась Россия). [19] Однако, и после признания под давлением фактов, что ракета выпущена украинцами и вынужденного опровержения ошибавшегося агентства «Associated Press», генсек НАТО Й. Стольтенберг заявил о вине России: «В конечном счете ответственность лежит на России, поскольку она продолжает свою незаконную войну против Украины». [21]

Все эти фальсификации и искажения формируют резко антироссийское общественное мнение в западных странах, которое сложно будет переломить потом средствами «мягкой силы».

И в соцсетях **подмена понятий** и концепций является излюбленной информационно-психологической технологией. Там вокруг политиков и активистов **объединяются огромные сообщества**. К примеру, на экологическую активистку Г. Тунберг в Инстаграме подписаны 14 млн. человек, благодаря чему появилось **реальное протестное движение** молодежи «Пятницы для будущего». Но впоследствии она, как и другие сподвижники, сильно изменила свои взгляды, размыв свою борьбу за спасение планеты от экологической катастрофы на половинчатые заявления, что, например, ФРГ в назревшем энергетическом кризисе лучше вернуться к атомной энергетике, чтобы пережить холодную зиму. Ее немецкая последовательница Л.М. Нойбауэр действует в том же ключе, требуя уже изменения экономической системы, и фактически призывая к развалу существующих структур власти, преодолению капитализма и прекращению безграничного экономического роста. [15]

Технологию замалчивания фактов можно проиллюстрировать на вопросе о репарациях за ущерб, причиненный Украине, за которые на 11-ой чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 15 ноября 2022 г. проголосовало 94 страны из 193 государств-членов. При этом несогласные подверглись массивному давлению со стороны США и ЕС. Западные СМИ впоследствии специально замалчивали тот факт, что репарации будут просто изыматься из замороженных на Западе 300 млрд. евро российских активов и направляться по большей части не на Украину, а на оплату поставляемого Киеву оружия, т. е., в западные бюджеты и кошельки ВПК. [2]

Преобладание визуальных рядов над содержанием политического процесса явствовало при освещении достаточно скудных результатов последнего саммита G-20 на Бали в ноябре 2022 г., где кроме общих слов о сотрудничестве и поддержке при энергетическом обновлении и формировании «зеленой» экономики ни о каких конкретных мерах не договорились. Зато широко освещались церемонии встречи – совместная посадка мангровых саженцев и заключительный банкет. Таким образом, фактически **сводится к нулю информационная задача СМИ**, призванных не картинки транслировать, а в первую очередь передавать своей аудитории политическое содержание международных переговоров на высочайшем уровне по столь важной тематике. Одновременно надо отметить, что для имиджа Индонезии, т.е. с точки зрения факторов «мягкой силы», именно эти кадры и церемонии играли весьма положительную роль.

Заключение

Значение информационно-психологических технологий в политике «мягкой силы» будет возрастать по мере нарастания геополитической борьбы за трансформацию хаотичного современного однополярного мира. Исходя из этой нарастающей тенденции, одной из первоочередных задач внешнеполитических структур РФ следует признать совершенствование многообразных технологий «мягкой силы» в цифровой информационной среде.

Литература

1. Васильева М.М. Современные информационные технологии как инструмент продвижения национальных интересов России в сфере международных отношений // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. №1. С. 85-90
2. Генассамблея ООН одобрила резолюцию о возмещении Украине ущерба, нанесенного российским вторжением, 14.11.2022. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/11/1434732> (дата обращения: 15.11.2022)
3. ИА Синьхуа, URL: <https://russian.news.cn/index.htm> (дата обращения: 26.11.2022)
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ Цифровая экономика РФ, 22.08.2022. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 20.12.2022).
6. О стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг., 09.05.2017, URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 16.10.2022).
7. Подоляк Д.В. СМИ как инструмент «мягкой силы» во внешней политике КНР // Общество: политика, экономика, право. 2018. №11 (64), с. 41-44 (дата обращения: 26.11.2022).
8. Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/48280/> (дата обращения: 16.12.2022).
9. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 10.01.2023).
10. Хабермас Ю. Структурные изменения публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь Мир, 2016. 344 с.
11. Adesina, O. Foreign policy in an era of digital diplomacy // Cogent Social Sciences. 2017. № 19. pp. 169-189.
12. Armstrong M. How Many Websites Are There? 6.8.2021, URL: <https://www.statista.com/chart/19058/number-of-websites-online/> (дата обращения: 18.10.2022).
13. Department for Digital, Culture, Media and Sport, 13.07.2022, URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uks-digital-strategy> (дата обращения: 18.01.2023).
14. Digitalstrategie: Gemeinsam digitale Werte schöpfen. 31.08.2022, URL: <https://digitalstrategie-deutschland.de/medien/> (дата обращения: 18.11.2022).
15. Frasch D. Klimakonferenz ohne Greta – das Problem der Klimabewegung mit dem Kapitalismus, 17.11.2022. URL: <https://www.watson.ch/international/wissen/998016414-warum-greta-thunberg-an-die-klimakonferenz-haette-reisen-sollen> (дата обращения: 18.11.2022).
16. Gallarotti G.M. Soft power: what it is, why it's important, and the conditions for its effective use // Journal of Political Power. 2011. Volume 4. Issue 1. 51 p.
17. Nye, J. Soft Power 2.0: The Future of Power in the Digital Age Dubai Policy Review. URL: <https://dubaipolicyreview.ae/soft-power-2-0/> (дата обращения: 11.11.2022).
18. Nye J.S. The Future of Power, N.Y.: Public Affairs, 2011. 320 p.
19. Przewodów. Media: Joe Biden przekazał, że wybuch wywołał pocisk ukraińskiej obrony, 16.11.2022. URL: <https://www.polsatnews.pl/wiadomosc/2022-11-16/media-joe-biden-poinformowal-ze-rakiete-wystrzelono-z-ukrainy/> (дата обращения: 18.11.2022).
20. Scholz dämpft Hoffnung auf Einlenken Putins // Spiegel online, 10.12.2022. URL: <https://www.spiegel.de/politik/appeasement-politik-scholz-daempft-hoffnung-auf-einlenken-putins-a-d79b2ef5-6385-43fe-98bb-1186b4c09e23> (дата обращения: 11.12.2022).
21. Schubert G. Das laute Echo des Raketeneinschlags von Przewodów, 17.11.2022 URL: <https://www.derstandard.de/story/2000140951339/das-laute-echo-des-raketeneinschlags-vonprzewodow> (дата обращения: 19.11.2022).
22. Tatunts S.A. La política del poder blando de Alemania en America Latina (Политика "мягкой силы" ФРГ в странах Латинской Америки) // Iberoamérica. 2021. No. 4. С. 80-101

23. The Freedom Online Coalition's Program of Action, 2022. URL:
<https://freedomonlinecoalition.com/underpinning-documents/> (дата обращения 28.11.2022)
24. Winder R. Soft power: The new great game for global dominance. London: Little Brown Book Group, 2020. 416 p.

INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL TECHNOLOGIES AS A FACTOR OF “SOFT POWER”

Tatunts, Svetlana A.

*Doctor of sociology, Ph.D. in historical sciences, professor
Lomonosov Moscow State University, Faculty of world politics, full professor
Moscow, Russian Federation
S.Tatunts@fmp.msu.ru*

Abstract

This article explores the information-psychological tools of "new wars". The methodology of the analysis is based on a poly-paradigmatic approach, which allows for a productive interpretation of the subject of study within the paradigm of realism, postmodernism, and neo-Marxist world-systems theory. The article identifies the main segments of the mechanism of information-psychological influence in the implementation of "soft power" policy. The methods of such influence used in the conditions of global hybrid warfare are disclosed. The features of digital technologies and national models of "soft power" in cyberspace applied by the main actors of world politics are defined.

Keywords

cancel culture; cyber censorship; digital public diplomacy; information society; information technology; mass media; postfactual society; social media; soft power

References

1. Vasil'eva M.M. Sovremennye informacionnye tehnologii kak instrument prodvizhenija nacional'nyh interesov Rossii v sfere mezhdunarodnyh otnoshenij // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Sociologija. Politologija. 2020. No 1. p. 85-90
2. Genassambleja OON odobrila rezoluciju o vozmeshhenii Ukraine ushherba, nanesenogo rossijskim vtorzheniem, 14.11.2022. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/11/1434732> (accessed 15.11.2022)
3. IA Xinhua, URL: <https://russian.news.cn/index.htm> (accessed: 26.11.2022)
4. Castells M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura. M.: ID GU VShJe, 2000. 608 p.
5. Ministerstvo cifrovogo razvitija, svjazi i massovyh kommunikacij RF Cifrovaja jekonomika RF, 22.08.2022. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (accessed: 20.12.2022).
6. O strategii razvitija informacionnogo obshhestva v RF na 2017–2030 gg., 09.05.2017, URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (accessed: 16.10.2022).
7. Podoljak D.B. SMI kak instrument «mjagkoj sily» vo vneshnej politike KNR // Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo. 2018. No. 11 (64), p. 41-44 (accessed: 26.11.2022).
8. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.09.2022 g. No. 611 Ob utverzhdenii koncepcii gumanitarnoj politiki Rossijskoj Federacii za rubezhom, URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/48280/> (accessed: 16.12.2022).
9. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31.12.2015 g. No. 683 O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii, URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (accessed: 10.01.2023).
10. Habermas Ju. Strukturnye izmenenija publichnoj sfery: Issledovanija otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshhestva. M.: Ves' Mir, 2016. 344 p.
11. Adesina, O. Foreign policy in an era of digital diplomacy // Cogent Social Sciences. 2017. № 19. pp. 169-189.
12. Armstrong M. How Many Websites Are There? 6.8.2021, URL: <https://www.statista.com/chart/19058/number-of-websites-online/> (дата обращения: 18.10.2022).
13. Department for Digital, Culture, Media and Sport, 13.07.2022, URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uks-digital-strategy> (дата обращения: 18.01.2023).

14. Digitalstrategie: Gemeinsam digitale Werte schöpfen. 31.08.2022, URL: <https://digitalstrategie-deutschland.de/medien/> (дата обращения: 18.11.2022).
15. Frasch D. Klimakonferenz ohne Greta – das Problem der Klimabewegung mit dem Kapitalismus, 17.11.2022. URL: <https://www.watson.ch/international/wissen/998016414-warum-greta-thunberg-an-die-klimakonferenz-haette-reisen-sollen> (дата обращения: 18.11.2022).
16. Gallarotti G.M. Soft power: what it is, why it's important, and the conditions for its effective use // Journal of Political Power. 2011. Volume 4. Issue 1. 51 p.
17. Nye, J. Soft Power 2.0: The Future of Power in the Digital Age Dubai Policy Review. URL: <https://dubaipolicyreview.ae/soft-power-2-0/> (дата обращения: 11.11.2022).
18. Nye J.S. The Future of Power, N.Y.: Public Affairs, 2011. 320 p.
19. Przewodów. Media: Joe Biden przekazał, że wybuch wywołał pocisk ukraińskiej obrony, 16.11.2022. URL: <https://www.polsatnews.pl/wiadomosc/2022-11-16/media-joe-biden-poinformowal-ze-rakiete-wystrzelono-z-ukrainy/> (дата обращения: 18.11.2022).
20. Scholz dämpft Hoffnung auf Einlenken Putins // Spiegel online, 10.12.2022. URL: <https://www.spiegel.de/politik/appeasement-politik-scholz-daempft-hoffnung-auf-einlenken-putins-a-d79b2ef5-6385-43fe-98bb-1186b4c09e23> (дата обращения: 11.12.2022).
21. Schubert G. Das laute Echo des Raketeneinschlags von Przewodów, 17.11.2022 URL: <https://www.derstandard.de/story/2000140951339/das-laute-echo-des-raketeneinschlags-vonprzewodow> (дата обращения: 19.11.2022).
22. Tatunts S.A. La politica del poder blando de Alemania en America Latina (Политика "мягкой силы" ФРГ в странах Латинской Америки) // Iberoamérica. 2021. No. 4. С. 80-101
23. The Freedom Online Coalition's Program of Action, 2022. URL: <https://freedomonlinecoalition.com/underpinning-documents/> (дата обращения 28.11.2022)
24. Winder R. Soft power: The new great game for global dominance. London: Little Brown Book Group, 2020. 416 p.